Ольга Ливеровская

Вера Надежда Любовь

РЕНОМЕ
Санкт-Петербург
2013

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Л55

Ливеровская, О. А.

Л55 Вера. Надежда. Любовь / Ольга Ливеровская. — СПб. : «Реноме», 2013. — 112 с.

ISBN 978-5-91918-296-2

Ольга Алексеевна Ливеровская-Воинова родилась в 1933 году в Ленинграде.

Окончила ЛЭТИ им. Ульянова (Ленина); работала в физико-техническом институте АН СССР; кандидат наук.

Поэтическая деятельность связана с литобъединением Дома учёных, руководимым Глебом Семёновым. Публиковалась в периодической печати. Постоянный автор журнала «Нева». Издала четыре поэтических сборника и одну книгу прозы. Живёт в Санкт-Петербурге.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

В оформлении обложки использованы работа А. В. Самойловой и рисунок В. В. Тучкевича

ISBN 978-5-91918-296-2

© Ливеровская О. А., 2013
© Оформление. ООО «Реноме», 2013

Эта книга (мой четвёртый сборник стихов) родилась в результате долгих размышлений о периодах жизни человека: прошедшем, настоящем и будущем.

Однажды я увидела по телевизору выступление академика А. М. Панченко. Запомнилось и удивило его утверждение о том, что будущего нет: «Кто его видел, это будущее? И настоящее быстротечно. Есть только прошлое».

Панченко — искусствовед и историк. Для него прошлое — предмет исследования. И всё же можно представить себе, что жизнь — это цепь мимолётных, быстро текущих событий, которые, только завершившись, поддаются осмыслению. Это и есть наше прошлое. И тогда хочется сесть спиной к воображаемому камину (ах, был бы камин!) и пристально вглядываться в разнообразные картинки, которые услужливо предлагает нам память. И может быть, записывать их. Писать о своих предках — достойное занятие, дань уважения к своему роду. Писать о своих днях, о себе — исповедь, это даёт облегчение и умиротворяет. Писать о детях — невозможно, они ещё не завершились, их не осмыслить.

К этим размышлениям присоединилось созвучное стихотворение уважаемого мной поэта Семёна Ботвинника:

Дана годами поздняя награда:
рабочий стол и дом, и книги в нём.
И тот покой, когда гореть не надо
мучительным и тягостным огнём.
И летний вечер душу не тревожит,
на молодые улицы маня.
Есть прошлое, есть будущее (может),
но нет уже сегодняшнего дня.

И чтобы сегодняшний день не пропал бесследно, я решила занять его наведением порядка в письменном столе, где скопилось довольно много машинописных и рукописных листочков со стихами, начинающимися со школьной лирики и стремительно убывающих к последним дням. Эти стихи по разным соображениям не вошли ни в один из моих предыдущих сборников. Подумав, решила перепечатать их на компьютере. Потребовалось разделить всё это, хотя бы условно, на какие-то группы. Вот так возникли мои «Вера», «Надежда», «Любовь» и «София».

В столе порядок и пустота, а передо мной целая книжка стихов самых разных лет.

О. Ливеровская

Вера

Завидую людям, которые с детства верили в Бога. Я родилась в эпоху атеизма. В нашем доме икон не было. Мой главный воспитатель, дедушка, был морским врачом. Отец и мать — детьми революционного времени. Правда, в конце жизни отец задумывался над проблемой веры, писал мне об этом в одном из последних писем из деревни и говорил там, что он человек не религиозный. Цитирую: «…ближе душе наши языческие, лесные, деревенские ОНИ. Но и у них, вечноживущих, я не могу спросить, почему ушли те, кого я любил, а скоро и я уйду. Нельзя об этом спрашивать, бессмысленно. В останние дни надо любить лес, быть благодарным, что он существует, и, как высший дар, как причастие, испить глоток живой воды, радостно и полно вдохнуть свою долю воздуха, что пахнет большой водой и свежестью сосны».

Вот такое направление дал отец моим раздумьям и терзаниям. Может быть, поэтому родились в одном из моих стихов строчки: «Я верю в камни, в снег, в траву. / И этой верой я живу».

Но если подумать, то моё отношение к Богу благоприобретённое за долгую жизнь: я верю в

существование Высшего Разума. Где он существует — совершенно неясно. Можно и Его считать Богом, но до отдельного человека, лично до меня, ему дела нет. А Бог есть. (Нужно, чтобы Он был!) И Он живёт в человеке, в его душе, а ближе всего Он, когда: «…над озером свершается рассвет, / и я плыву в своём челне убогом, / и, кажется, что между мной и Богом / границы нет».

В этом разделе я собрала свои стихи разного времени, которые помогали моим раздумьям.

Половодье

Не знаю, как уж это вышло,
из берегов своих я вышла
и устремилась.
Заливала
луга, кусты.
Сносила, рушила причалы,
несла мосты.
И всё в себя!

Теперь уж каюсь,
да не вернуть:
обломки, доски, сваи —
хаос,
всю эту муть.
Она меня заполонила,
со мной плыла.
Я не от слабости, от силы
такой была.
Ярилась, удержу не зная,
чужда стыда,
лихая, пенная и злая
моя вода.

О нет! Не тайно,
не подспудно,
а на глазах:

разлив, разгул,
рассудок смутный,
слепой азарт.
Здесь был мосток.
Дома стояли.
Их нет.
Виной тому не я ли?

Над головой разлива метки —
солома на высокой ветке.
Я недоверчиво и грустно
смотрю на них,
вернувшись в русло:
«Не может быть!»
Журчу уютно,
чужда весенней воле мутной.
«Ко мне скорее,
дети, птицы,
коснуться, кинуться, склониться!
Я всех омою, искупаю,
я грех разлива искупаю!»

Камни и люди

С тех незапамятных дней
с искрой и трутом
камень всегда для людей
был другом.
Труженика рука
крепко держала
каменного молотка
щедрое жало.
Каменный бог-истукан,
камню молились.
Он отдавал пастухам
сладость малины.
Он их дарил теплом,
он их понял,
серым бараньим лбом
льнул к ладоням.
Там, где наградой труду
поле шуршало,
люди сложили в груду
камень шершавый.
Почва о людях тех помнит еле.
Выросли сосны здесь,
встали ели.
Каменный пик пирамид —
кромка поля
в тёмном лесу лежит.
Камень помнит!
Так испокон веков
было, будет:
вместе, семьёй живут
камни, люди.

Ранний снег

Ну и смех! Как на грех —
в сентябре обвальный снег.
Белый, белый снег вали́тся
на ладони и на лица,
на зелёные кусты,
на деревья и мосты.
Где обычно даль видна,
встала белая стена.
Только кустик у ворот
да дороги поворот.
Что за этим поворотом?
Может, нету ничего там…
Нет на свете ничего:
ни домов, ни школы… О!
Голос мамы: «Ну, дела,
снег идёт! Портфель взяла?»

Моя вера

Краток страсти срок,
мимолётна власть.
Как волна от ног,
убегает страсть.
Усомнюсь в тепле
сжатых дружбой рук.
Каждый сам себе
всё же больше друг.

Власть привычки — зло,
путы на пути,
и трудней всего
от неё уйти.
Всё дрожит, плывёт
в никуда, в ничто.
Как же верить, жить,
неизменно что?
Я верю в камни,
в снег, в траву.
И этой верой я живу.

Картинки

Солнце

Между листьев лесных
просочилось зелёное солнце.
Изумлённо застыло,
меня на траве отыскав.
Беглым трепетом листьев, лаская,
к щеке прикоснулось
и внезапно исчезло,
испуганной птицей взлетев.

Листья в реке

По облакам, по небу проплывают,
скользят, не задевая за вершины…
Вот маленький один
заплыть на солнце дерзнул,
но загорелся
и исчез.

Ветер

Вот дерево
серебряной
изнанкою струится…
Напрасно!
От себя не убежать.

На гулянку

Ситец в простой цветочек,
бантики на плечах.
Сумрак прохладной ночи,
коростели кричат.
С горки — прохладой плотной,
в горку — ржаным теплом.
Спит, погасивши окна,
тихий родной дом.
Где-то гудит гулянка,
что-то частит гармонь,
в лунной росе полянки
тёмным пятном — конь.
Тени кустами машут.
Бьются в моей руке
(ишь ты, уже и пляшут!)
туфли на ремешке.

Сад

А кругом всё прекрасно. Любой уголок сада — дар для взволнованной кисти: опадающий мак изогнул стебелёк, заходящее солнце играет на листьях…

Непогода

Когда ты устал от друзей и попоек,
когда ненавистен безрадостный дом,
подумай, что где-то есть вольное поле,
избитое жёстким осенним дождём.
Там ветер пластает лохматые тучи
о злую щетину небритой стерни.
Им хочется в небо, там тише, там лучше,
а он их швыряет всё вниз и вниз.
Всё стонет и воет, и мчится солома,
и жалят обрывки пронзительных струй,
и негде укрыться: кустарник изломан,
и смерть в колыбели любому огню.
Бежать и дрожать, и забиться, и биться,
и ветер упругий, озлобясь, кусать,
и собственным криком, глотая, давиться,
и рваться о струй дождевые троса.
Ликует стихия, лютует природа,
                её не осилить, её не понять…
Вот видишь, какая плохая погода, —
под крышу забраться и водки достать.

Берёза

Ёлка вечна, она без времени,
незаметна её весна,
а берёза иного племени,
знаменует весну она.
Белоснежной корой светится,
брызжет соком из полных жил.
Кто-то веточки белых ветрениц
у корней её положил.
Не весёлая и не грустная,
поднимается до небес.
Как раздольная песня русская
заливает собою лес.
И украдкой ночами лунными
выливается на поля.
Словно мохом, ростками юными
прорастает ничья земля.
Подрастают, в ряды строятся,
пробираюсь сквозь них с трудом.
Я берёзкой в Святую Троицу
убираю свой тихий дом.
Тему трудную не затрону я,
но в смятении признаюсь:
я стою пред святой иконою,
но берёзке своей молюсь.
Мне неведомо, сколько выдано
голубых ночей, светлых дней.
Если б было мне право выбора, —
умерла бы я у её корней!

Бабье лето

А лето шло, томило, жгло,
последний зной земле дарило.
И нестерпимо тяжело,
и как-то странно это было.
Деревья, выйдя из земли,
парили в трансе напряжённом,
на небе ритмом обнажённым
узоры ветками плели.
Как листья их тепла хотели!
С замёрзших рук рвались, летели,
потом опали. Вдруг тепло
на ветки голые сошло.
Нет, дни не шли. Они стояли,
сияли и себя являли,
как близнецы — один взамен
другому дни себя дарили.
А люди… Люди говорили:
«Ну что ж, обычный феномен,
пройдёт!»
Но лист, резной и светлый,
задумчиво взлетел на ветку
и к ней прирос.

Листья в городе

I

Сквозной переулок. Синеющий вечер.
На плечи и грудь напирающий ветер.
И воздух упругий разрезан пластами
стремительно мчащимися листами,
с шуршаньем и свистом.
От них не укрыться.
Летящие листья, спешащие лица.
Постойте! Останьтесь!
От листьев отстаньте!
Участье, улыбку, хоть что-то оставьте:
укор подарите, презреньем ужальте!
Останьтесь, как листья на мокром асфальте!

II

Треплет ветер фонарей свет.
Есть же где-то, где его нет?
Где отрадой будет ти-ши-на,
а усладой — теплота вина.
Где молчанье — разговор двух.
Пониманье. Так зачем вслух?

Псков — Изборск — Печоры

Ясней, ясней…
И этот мир теней
я, отдаляясь,
как-то чётче вижу.
Три русских крепости
отсюда ближе,
из затенённой комнаты моей.
Там слуги культа —
чёрные грачи
и галки, и попы
для колорита,
а стены белые.
Слепящие лучи,
и свет, и тень.
Квадратами пробиты
проёмы звонницы,
в них синева налита
от века и теперь.
Сусальный небосвод
на настоящем небе исчезает.
А прошлое
всё ближе подступает
и в воздухе незыблемо живёт.
Так вот какой он,
этот день вчерашний!
Такой наивно-грозный
и нестрашный,
как эта пушечка
и шарики камней
при ней…

Да было, это тоже было…
И древности спасительная сила,
как Ангел-утешитель надо мной,
простёрла крылья, светлый лик склонила.
Истлели кости,
кровь сошла с камней,
растёт трава…
А я рукою бренной
задумчиво поглажу эти стены,
и вечность и покой
сойдут ко мне.

Сон

Мне привиделось:
в храме
тяжёлого света столбы,
из-под купола вкось
постоят, подрожат и прольются
на затылки и плечи толпы,
как дымящийся дождь
из-под тёмного неба
на светлые платья туристов.
Луч скользнёт, и картина:
мальчонка у стенки уснул.
Он, наверно, больной,
дышит часто и трудно.
Эти рыжие волосы,
в бледных веснушках лицо,
пересохшие губы.
Но вот просыпается он,
только солнце сместилось,
теперь уже пол освещает,
весь истёртый и прогнутый,
в мелком песке и пыли.
Поднимаюсь на звонницу.
Колокол мерно гудит,
исступлённо звенят подголоски.
Разбрызгано небо.
(Воскресенье, наверно.)
Качается синяя синь.
Это вербы?
Барашки?
Кудрявые тучки с иконы?

Это колокол, колокол —
синий весенний трезвон.
Это колокол, колокол —
звонкие брызги от неба…
Вспоминаю: я вещи забыла!
Бегу монастырским двором,
пробираясь сквозь толпы
безногих, слепых и убогих.
Тянут руки и просят,
и водкой разит.
Дайте выйти, пустите!
Но где я?
Лежат рюкзаки
и мольберты расставлены:
синяя-синяя синь,
только чёрные галки,
да белые стены, да звёзды
в синеве исчезают.
И всё это там. На холстах,
многократно повторена
та же картина в картинах.
А ребёнок, тот, рыжий,
я помню, он ближе подсел,
он косится на вещи,
которые я позабыла.

Устало-атеистический взгляд на Печерский монастырь

Повсюду здесь порядок и уют.
Здесь грешники в раскаяньи метут…
(А что им делать? Крась да прибирай!)
Они готовятся. Неужто в рай?
Совсем убоги старенькие служки,
навряд ли ангелам они нужны.
А яблоки, почти за полцены
в сравненье с нашими, какие-то старушки
сложили горками на плитах. Выбираю.
Мирские, монастырские — не знаю.
Монахи бледные невесело глядят.
Два раза в сутки в трапезной едят
несметных денег нищие владельцы.
Должно быть, в резервациях индейцы
так выглядят. Участники спектакля:
хламида чёрная, волос отросших пакля…
И зона для туристов всем видна,
бечёвкой тонкою отделена
от этих экспонатов, как в музее:
вот здесь стоять! Глазейте, ротозеи!
И женщины цветастые глядят.
Какой спектакль! Колокола гудят.
У стен раздолье курам и коровам.
Косится возбуждённая толпа
на этот всесоюзный зоопарк
с каким-то любопытством нездоровым.
И множество вопросов сыплет, вплоть
до главного: «Они убили плоть?»

Жемчужное зерно

Перебирала мусор, шлак,
ждала, терпела и нашла
в грязи жемчужное зерно.
Увенчан труд. Моё оно!
Переливается, сверкая,
моё, удача-то какая!
В ларец его! Иглой Кащея —
за семь замков!
                На цепь! На шею!
Ходить царицей:
        «Я вам нравлюсь?»
Зачем темнеют лица?
                Зависть?
Ах, где зерно?
                Из рук упало,
вот покатилось и пропало.
Да будет вам успех в работе!
Ищите! Верю! Вы найдёте!

С базара

Я гостей позвала. Будет праздник весёлый.
В низком солнце пылинки блестят на лету.
Вот и выросла дочь. Вот окончила школу.
С переполненной сумкой с базара иду.
Радость жаркому дню это бодрое утро!
В листьях вязнут лучи, в листьях птицы звенят.
До чего хорошо, до чего это мудро:
соберутся друзья, будет пир у меня.
Отмотала все руки проклятая сумка,
отзывается тяжесть в усталой спине.
Ничего, ничего, хорошо и разумно,
что и тяжесть, и радость — всё выпало мне.
В сумке зелень укропа, румяною щёчкой
между луковых перьев краснеет редис.
И мерещится мне — у меня, не у дочки,
всё ещё впереди, всё ещё впереди.

Дмитровская суббота

На нашем кладбище развал и запустенье,
как и везде, но тут хоть тишина.
Вот крест упал — так выглядит забвенье.
Вот обелиск — так выглядит война.
Нахмуренное небо низко-низко
встревоженному городу подстать.
И на дорожке этой столько близких,
что можно даже кланяться устать.
Так холодно, бездомно, бесприютно
здесь, в хаосе оград и тесноты.
В знак памяти, любви, тоски минутной
на камне сохнут нежные цветы.

* * *

Где же лики, не пойму?
Всюду лица.
Где великий? Мне кому
поклониться?
Век стандарта, мой размер,
всё мне впору.
Мне бы что-нибудь без мер,
мне бы гору!
Чтоб врубаться и ползти,
ввысь стараться
до вершины не дойти,
вниз сорваться.
Чтобы звуки, вниз, сюда,
не могли бы,
чтобы синяя вода,
скалы, рыбы…

Молитва

Клёны жёлтые, клёны красные,
вы могучие и прекрасные,
наделите меня вы спокойствием,
вашей мудростью и достоинством!
С тихой гордостью листья носите,
с царской щедростью оземь бросите,
видно, знаете не иначе вы,
для чего вы в жизнь предназначены.
У меня в друзьях скука серая,
мне не по сердцу всё, что делаю.
Средь людей боюсь одиночества,
а когда смеюсь, плакать хочется.
Клёны жёлтые, клёны красные…

Надежда

Искусство — это жизнь души, как для его творцов, так и для потребителей. Без искусства, как без воздуха, человеку жить трудно, а может быть, и невозможно. И для меня стихотворчество было попыткой уйти от повседневной реальности куда-то в другой мир, в интересную для меня игру. Склонность к этому виду деятельности проявлялась у меня с детства. Стихи как-то непроизвольно складывались в голове, иногда я их записывала. А чтение стихов других поэтов (потребление искусства) всегда составляло значительную часть моей жизни. Особенно я любила Пастернака, Цветаеву, Ахмадулину. Мне больше нравились стихи звучащие, в которых кроме смысла чувствовалось разнообразие ритма, и ещё повторение, сочетание каких-то слогов, которые, на мой слух, тоже создавали рисунок стиха. Когда я стала посещать ЛИТО Глеба Семёнова и с его лёгкой руки поверила в себя, мне стало интересно придумывать такие стихи. Наверное, я подражала своим кумирам. Позднее это куда-то ушло, а стихи остались.

* * *

В поэтическом разнотравье
я какая? Полынь? Ковыль?
В стаде блеющих равноправно
по утрам поднимаю пыль.
Как девчонка в предверьи чувства,
полуправды, полувранья,
я прошу: помоги, искусство,
разобраться, где грань твоя!
Мой единственный, мой всеобщий,
приближающий даль снов
(спотыкаюсь, бреду на ощупь),
исцеляющих дай слов!
Напрягаюсь, на слух, глазами
натыкаюсь, понять тщусь:
где тут разум, а где заумь,
где гармония, где чушь?
Дай мне ветра, когда душно!
Дай мне сил, когда нет сил!
Не об этом ли сам Пушкин
на коленях тебя просил?

Жизнь и искусство

Ну и смесь!
Вот коктейль ужасный!
Удивляться, рыдать, смеясь!
Ну и жизнь!
Ты смешенье жанров,
ты нелепый и глупый фарс.
К черту всё!
Помоги, искусство,
снизойди и ко мне тоже!
Я хочу глубины чувства,
я прошу чистоты тона.
Я беру голубую краску
и картину пишу. На ней
небо синее, дети, речка
и табун голубых коней.
Бьют в лицо голубые брызги.
Звонкий смех, молодой азарт.
Трепет света и радость лета
у ребят в голубых глазах.
Прилегли на траву дети,
полдень зноен, клонит ко сну.
Набегая, волнует ветер
разнотравья голубизну.
Вот и мне за труды отдых,
сон ресницы мои тронет.
Не сминая травы, беззвучно
синим лугом летят кони.

Голубая моя картина,
воплощенье мечты, идеи,
я тебе отдана всецело.
Ты моя. Кто же кем владеет?
. . . . . .
Сон нарушило злое ржанье.
Просыпаюсь. Задрав хвост,
мечет конь темно-бурые яблоки
на мой синий-пресиний холст.

* * *

К полу стихи-листочки
жмутся озябшей стаей.
Я, как Алиса в сказке,
чудом из них вырастаю.
Надо исправить многих,
надо назад вернуться…
Мчат к потолку ноги
и не хотят гнуться.
Рано узнать Алисе
выдалось, как крепка
серая штукатурка
низкого потолка.

Прочитав сборник Б. Ахмадулиной «Струна»

Лучше бы быть ей тополем —
листья с солнцем.
Лучше бы быть ей коконом
с тонким шёлком.
Лучше бы быть влюблённой
в песок волною,
только не обнажённой
больной струною.
Добрым рукам неймётся
струну ослабить:
«Так ведь она порвётся,
нельзя оставить.
Вы ведь её и вправду
не бережёте,
надо её на травку,
на бережочек!»
Люди, оставьте жалость,
ОНА выше.
Сердце тоской сжалось,
ОНА не слышит.
Жребий уже брошен,
уже вышел.
ЕЙ говорить с вечностью.
Тише.

Четвёртая группа крови

Сегодня мне несносно
в прямом и переносном,
гнетёт и груз, и грусть.
Что делать мне с собою,
с дурной своей судьбою, —
никак не разберусь.
Мне стало вдруг казаться,
что муки диссертаций,
физические муки —
совсем не мой кусок.
Физические факты
доводят до инфаркта.
Свет в зале. Смена акта.
К другому марш-бросок.
И стала жизнь крушиться,
набрякшим льдом крошиться.
Остановить! Спасти!
А мне смешно и сладко
в неё впиваться пяткой:
пускай себе хрустит.

Теперь проблема жанра
в меня вонзает жало,
меня бросает в жар.
В поту я, злая, влажная,
ведь это очень важно,

ведь будет очень жалко
неверно выбрать жанр.
Решаю я отпето:
не стать ли мне поэтом,
примкнуть к маститым, к ТЕМ?
А может, брошусь в прозу я,
хотя совсем не розы там,
а критики угрозы
и мелкотемье тем.
Вином расслабив тело,
гляжусь я, словно Бэлла,
в кристалл своей души:
Коньяк? Кагор? Твиши?
Иль буду я как Женька,
лукавый Евтушенко,
прожектор и свеча.
Поездки и романы,
свершенья и обманы.
И всё в печать, в печать…
А в жизни деревенской
я буду Вознесенским.
Толкну сосну со сна
и это… тишина.
А в жанре детектива
(какая перспектива!),
возможно, мой уклон:
сижу седая-старая,
держу в руках сигару я,
совсем как Сименон.

Ну что со мной случилось?
Совсем развеселилась,
забыла грусть и боль.
Себя я рассмешила,
хотя и не решила,
что делать мне с собой.

Ода смеху

Юре Коптеву

Будет где-то по дружбе
нам смех засчитан.
Смех — уже не оружие,
смех — защита.
Верят теперь смеху,
а не слезам.
Смех — это ключ к сердцу:
«открой, сезам».
С утреннею порошей
слит след.
С шуткою хорошей
слит смех.
Не отвечать лучше бы,
как живёте.
Надо всегда к случаю
а-нек-дотик.
Им за твоими стенами
нет дела.
В смех, словно в ванну пенную,
боль тела.
Смех мой — моей муки стон.
Смех мой — моё мужество.
Смех — и когда нам весело,
и если плохо.
Стонет, давясь от смеха,
моя эпоха.

Вы уязвить задумали
и отстали,
звякнул смешок по юмору —
сталь по стали.
Охая и дрожа, звучит
хохотом мой надёжный щит.
Быть тебе победителем,
их не судят.
Сам твори удивительный
жизнь-рисунок:
хочется — тень углём делай,
хочешь — залей узор белым.
Смехом — как будто солнцем,
смехом — как будто светом,
смехом — как будто свежим
снегом!

Коляска

Как совершенный мезальянс,
как неувязка,
за километры от жилья
в лесу — коляска.
Где дышат корни и кора
смолисто, резко,
как поразителен контраст
коляски детской!
В такой глуши кто у сосны
коляску ставит?
И удивляется синиц
смятённых стая.
Сюда от счётов и счетов,
от пересудов,
сюда, где щурится ручьёв
живое чудо,
где всё ничье и всё твоё,
где всё нейтрально,
бери семью, вези её
из коммунальной!

* * *

И летит,
и звенит,
и спешит
запоздалая тройка.
Этот звон
и разбег,
и полёт
хоть кого тронет.
Я молчу,
я терплю,
не пишу, —
только
этот бег,
этот снег,
словно свет
на мои строки.
Нету смысла в строке,
это бред,
это сон,
где тут мысли?
В наше время — где лайнеры,
где стройки?
Ну, зачем это мне:
заливной бубенец звонкий
под тугою дугой,
да взволнованный бег тройки?

Невпопад,
наобум,
на разъезде любом,
на собранье
подплывёт и захватит:
морозная мгла стонет.
И запрыгают в ритме,
ярясь
непослушно и странно,
эти строки мои,
эти кони.
Летят мои кони!

Посетив ЛИТО В. Сосноры в Доме учёных в Лесном

Ах, Соснора (смолой сосновой)…
Мой сомышленник, мой собрат!
Вот и мне бы стихи собрать —
вышла б книга.
Вы отличите их от других,
они исключительны.
Исключаешь себя, исключаешь,
словно лампочки выключаешь
до последней. Она горит.
Это я, это мой ритм,
строй, походка, покрой, движенье…
Скупо в зеркале отраженье:
всё как в жизни, ничуть не лучше.
Как-то жидко, не тот случай.
Люстра лучше, сгущает краски
и сверкает игрой разной.
Из себя, изнутри горит
и звенит.
Кто поёт — тот поэт?..
Что за бред,
смешно, и грустно!
Я терпеть не могу люстры.
Неуместны, им в доме тесно.
В филармонии люстре место.
Ах, Соснора!

Платье

Я сошью, я сделаю
это платье белое.
Я его придумала,
я швея умелая.
Для любимой доченьки
строчечки настрочены.
На стежки да хитрости
променяла ноченьки.
Загляделась в зеркало,
свет в глазах.
Покрасуйся, девушка!
Ах, нельзя!
Вот пошла, и только-то,
следом люди толпами.
До чего красивое
это платье тонкое!
Я стою и думаю:
нет, не то!
До чего не схожее
с ней, с мечтой!

Самолёт

(написано по заданию
Глеба Семёнова)

Самолёт — это возглас из детства:
«Смотрите, летит!»
Изумленье и радость,
которой спешу поделиться.
Над взволнованным полем
взметнулась тяжёлая птица.
Можно руки раскинуть
и в небо за ней устремиться,
чтоб потом себя вновь
на зелёной земле обрести.
Самолёт — это дымное пламя…
Не надо! Не вспомню войны!
На песчаном кургане
костёр горицветом алеет…
Я хорошее буду в себе
воскрешать и лелеять,
на недужную полночь
оставлю кошмарные сны.
Самолёт. Первый взлёт.
Напряжённость взволнованных чувств.
Прячет когти в шасси
от земли отскочившая кошка.
Покачнувшись, плывёт
полосы беговая дорожка.

Первый страх позади,
но ещё неспокойно немножко.
Удивленье и радость:
«Смотрите, и вправду, лечу!»
И — опять самолёт
на посадку пошёл.
Что-то нынче летать
мне приходится часто.
Ну, а если о жизни,
одно только ясно:
как бы ни было там,
но теперь быть несчастной
не по возрасту.
Стало быть — всё хорошо!

* * *

Жаждут славы
пусть даже скандальной.
Пускай!
Не нужны им надежды,
что станут «которые были».
Им существенно, чтобы о них говорили.
Вот ведь здесь они, здесь!
Им признанье сейчас подавай!
Затихает ребёнок
под яростный треск погремушек.
И в привычное время раздачи кормов
собирается стадо
у ёмких, пахучих кормушек,
на секунду забыв,
что на шею надето ярмо.
Ну а лучше-то как?
Над окованным раем
полоумным Гобсеком
корпеть по ночам,
наслаждаясь и злобствуя, и замирая,
чтобы счастье твоё
не предстало нескромным очам?
Что же «быть иль не быть»?
Этот трудный, извечный
сам Шекспир не решил.

Ну, а я-то, я разве смогу?
Я живу в суете,
я бегу, натыкаясь на встречных,
и теряю года,
и теряю стихи на бегу.
Мне не быть.
И к чему рассуждать,
где там жизнь виновата,
где затронута совесть,
чего не позволила честь?
За бесцельную вольность
заплачена горькая плата.
Мне не быть.
Но ведь вот я!
Я всё-таки есть!

* * *

Я пытаюсь в мыслях найти тот день,
я хочу разобраться в этом!
Не могу я вспомнить, когда и где
осознала себя поэтом.
Где же он, итога того исток?
Трепетание сжатой мысли?
Или это бессонницы белой стон?
Острый риск долгожданной искры?
Лишь одно я знаю, что это бой
сердца, рвущегося на части.
И ещё я знаю, что это боль,
перемешанная со счастьем.
Это так. Но всё же и рифмы бред,
и шипенье строфы свистящей
без сомнений праздных меж «да» и «нет»
я отдам за другое счастье.
Не такое, где чистоту листа
морщат мысли, что мозг бесили,
а такое, чтоб, от любви устав,
замереть в золотом безсильи.

Потеря

Солнце ещё греет,
что-то во мне — не то.
Видно, пришло время
свой подводить итог.
Нет у меня имени,
нет у меня именья.
Всё отдала, выменяв
я на одно уменье:
тратить да расставаться —
только и научилась.
С выгодою остаться
как-то не получилось.
Много я разделяла,
много я рассори́ла.
Сколько я растеряла?
Всё, что не раздарила.
. . . . . .
Что же ты, жизнь, затеяла?
Снова берёшь, опять?
Значит, не всё потеряно,
есть ещё что терять!

Любовь

Любовь — большая проблема для всех. Трудно разобраться в чувствах другого человека, да и в своих не легче. А для лирического поэта всё ещё усложняется. Нужно ведь верное слово найти. А тут: к матери, к родине, к гречневой каше — и всё любовь. Трудно русским поэтам. Англичанам, по-моему, легче: «I like, I love, I adore». Или по-гречески: между эросом и агапэ — принципиальная разница. У меня даже стихотворение на эту тему было: «Без любви ни дня, ни строчки. \ Только прочерки да точки. \ На нуле мои дела, \ так как эрос отчего-то, \ заскучав, ушёл с работы, \ а агапа-косолапа на дежурство не пришла».

Русским поэтам приходится для уточнения прилагательными пользоваться: материнская любовь, братская, дружеская... Можно, конечно, пренебречь этими тонкостями: «любовь», а какая — сами разбирайтесь... Вот примерно в таком положении и я оказалась. Далее следуют стихи на эту, и не совсем на эту тему.

* * *

А любовь?.. Ах, любовь! Этот красный туман.
Но строптивая память молчит и не хочет
ни единым желаньем сомкну́тые ночи
оживлять, ни последний наивный роман.
Есть другая любовь. Ей молюсь и молю:
не оставьте меня, долы, звёзды и воды!
И тебя, ты ведь тоже явленье природы,
этой новой любовью навеки люблю.
Но до третьей любви очень долго идти,
а коснувшись её, очень трудно поверить.
Так как третья любовь — ожиданье потери,
и теперь надо с нею по жизни идти.

Картинка

Будто молятся двое
глухой петербургской стене.
Так торжественны лица!
Наверно, им скрипка поёт.
Им слова не нужны,
так как «love» у него на груди,
и ответное «kiss»
        на брезентовой куртке её.

* * *

Натолкнулись,
                глаза в глаза.
Отвернулись.
                Назад! Нельзя!
Резкость света
                среди тьмы.
Это вето —
                с тобой
                мы.

В ресторане «Невский»

Посредине фонтан. Зачем?
Чтоб монеты на дне топить,
чтобы снова здесь быть, пить?
С кем?
Полон водкой бассейн. Свалка.
Все толпятся, ползут с рублями,
льнут, лакают…
                Лежит русалка
белокаменными клоками.
Погрузила колени, локти
в винный соус,
сама, как ломтик,
изогнулась.
На чьей вилке?
(Рюмки высосали бутылки.)
Из ноздрей её бьёт вино.
Опьянела она давно.
Дрожь по коже морозом белым.
Что же делать?
Посмотри, она плачет, стонет…
Неужели она утонет?
Что за глупая, злая гибель?
                Помоги ей!
Отвернёмся, уйдём отсюда
поскорее. Отпустим чудо
                на покой.
Всё останется: бляди, люди,
но русалки уже не будет.
                Никакой.

* * *

В этом городе я чужая.
В этом городе я одна.
День и ночь меня окружает
совершенная тишина.
Улетели друзья и дети,
пыльной мебелью — телефон.
Тишь будильника на рассвете.
Не включён!
Проникают, не натыкаясь
на знакомых, глаза…
И вот
я — незрячая, я — слепая,
не увидела никого.
От ненужности сохнет голос,
безответность — ему в ответ.
В пыльном облаке летний город.
Ходят люди. Меня здесь нет.

* * *

Вот человек, придуманный настолько,
что тот, который это имя носит,
на моего ни капли не похож.
Вот разве внешне чуточку…
Смотрите! Случайный взгляд,
и тема зазвучала!
Но скрипки медлят, не вступают флейты,
в недоуменьи затихает зал.
Вот мой билет. Проверьте! Штемпель верен.
Быть может, заболели скрипачи?
И весь оркестр уехал на гастроли?
Не прогоняйте, занавес взовьётся!
Темнеет в театре. Я одна осталась.
Провалы лож, и глаз… «Запасный выход».
Ах, вот как? Значит, всё же выход есть!

* * *

Хочу — любовь: взлететь и падать,
болеть тобой!
Чтоб мелочь ноющих царапин — в большую боль.
И лихорадка дней отныне — блажь, суета!
И горечь раненой гордыни — пустяк, тщета!
И малой ямкою на ровном — провал любой!
Мне ничего не надо, кроме тебя, — любовь!..

* * *

Это просто:
тупея, твердить непонятное слово
или имя твоё.
О, помилуй! Спаси и помилуй!
Это просто:
страданье глушить повторением боли.
Но нельзя ж бесконечно!
Опять! О, проклятая рана!
Это просто:
корнями в земле, а листвою по ветру
исступлённо хлестать и хлестать,
не умея сорваться.
О, неверье моё, дай мне сил для полёта!

* * *

Вы говорите, надо бросить всё,
что только вас от дела отвлекает.
Но разве математику рождает
полусвободный, полусонный мозг?
Качается узор из слов на грани сна,
лишённый строгого равненья смысла.
Значеньем «мысль» и «смысл»
как разнятся слова, такие однозвучные!
Как странно: вода, сосуд…
Убить живую мысль,
загнать в стандартную конкретность слова.
— Тогда она живёт?
Но если так, то в чём же суть рождения и смерти?
— Как жить вне смерти?
Может, просто быть
не корнем, не стеблями
— ароматом?
А цель?..
Проснитесь, скоро Сестрорецк!

* * *

Всё неправда!
В отливе во́лны ожидающих рук не тронут.
Всё неправда!
Царица-пошлость караулит на прочном троне.
Всё неправда!
Из слов истёртых нет неназванному названья.
Это больно.
Но это волны, им прощаться и возвращаться.
Им срываться, вставать и падать в глубину.
И с разбега ныряет берег под волну.
Это правда.

* * *

Переждать тебя, пережить.
Разделить тебя, раскрошить
по стихам моим, по лесам,
чтобы сам не знал, где ты сам!
Слиты временем, мы — струя.
Где твоя вода, где моя?
Свиты буквами две строки.
Отдели свою, отсеки!
Умирает свет в чреве тьмы,
и тебя там нет, там, где мы.
Ты нахмурился? Удручён?
Ты! Всё ты!
Я тут ни при чём.

* * *

Грустные раздумья в таянии ночей.
Голова ребёнка на моём плече.
В честную копейку трудная игра.
Разочарованье в ценности наград.
Может, было что-то, только не со мной.
Я иду с работы с мальчиком в кино.

* * *

Прочь ребячество!
Сколько можно?
От орехов устали зубы.
Над загадками белой ночи
не хочу напрягать глаза.
Спит азарт.
О, всезнанье, нездешний холод.
Молот, бьющийся в наковальню.
Всеразгаданность. Раз за разом
опостылевшая игра.
Мне пора.

Дождь

Из нежной голубиной глубины
внезапная стремительность паденья.
Исчезновенье времени — вот счастье!
Падение на крышу — разбиваюсь!
Падение потоком на фонтан —
бессмысленное струй противоборство.
И, наконец, немыслимое дно —
расхлюпанность густой и мерзкой жижи.
И это всё?
О, Боже! Повторенья!!!

* * *

Лёд громоздится у края тонок.
Воздух морозный. Петровский вид.
Мой невзлетевший, мой соколёнок,
жизнь уже дальше сквозь нас бежит.
Что же осталось? Много ли, мало?
Зимний пейзаж, чистота листа.
Я разбиваюсь девятым валом
о недостроенный пьедестал.
Я цепенею, я леденею, —
людям и рекам один закон.
Чао, волчонок! Спи, Галатея!
Не состоялся Пигмалион.

Про жизнь

Юре Чернову на сорокалетие

Вот и с горки.
Ну, держись!
Ведь не так и много.
Это под названьем «жизнь»
ровная дорога.
Сколько месяцев и дней
раньше не считалось,
а теперь с горы видней,
сколько там осталось.
Кто-то встретится в пути,
обгоню кого-то,
а теперь — шаром кати,
жми без поворотов!
Слишком круто, не свернёшь
влево или вправо.
Ну и жизнь! Ядрёна вошь!
Торная канава.

* * *

В моей душе живут сестрёнки,
ужасно вздорные девчонки.
Одна как будто и умна,
но до чего ж ханжа она!
И убедительны едва ли
её убогие морали.
Второй с сестрой никак не спеться,
у этой ни ума, ни сердца.
Заботит лишь потребность тела.
До смысла жизни нету дела.
Друг с дружкой сёстры вечно в споре,
а мне от них разлад и горе.

* * *

Я такая. Я вся тут. Нравится? Ну, смотри!
Но прошу тебя, не заглядывай, что внутри.
Помнишь куколку, ту красивую, что сломал?
Если хочешь узнать — спроси меня, я сама…
Только нет! Не понять, не справиться мне
с собой.
Все пружины мои качаются вразнобой.
И быть может, конца печального это знак:
от качания до отчаянья только шаг.
Я такая, и всё. Не нравится, не смотри.
Ну, зачем тебе было спрашивать, что внутри?

* * *

У меня есть одна свобода —
обязательный час прихода,
за столом разговор с трудом,
и зовётся свобода — дом.
Есть ещё у меня свобода —
уважаемая работа.
Вся — невыполненный урок,
вся невысказанный упрёк.
Ну а третья моя забота —
безответно любить кого-то.
Головою на кулаки,
и завою я от тоски.

* * *

Ты зачем ещё? Ты о чём?
Не рука влечёт, не плечо…
Просто мне с тобой говорить —
окна пыльные отворить.
Листья жгут… Костров синий дым…
Знаю, воздухом став твоим,
параллельною длюсь прямой.
Что же грустно так, мой «не мой»?

* * *

Я боюсь с тобой прощанья.
Может это на года.
Может наше «до свиданья»
превратится в «навсегда».
Навсегда?! В добрый час!
Тру сильнее к носу.
Прочь соринку из глаз!
Вытащу занозу!

Боли нет, и покой,
тишь да забытьё.
Нет! Люблю свою боль.
Как я без неё?
Пусть ты мне говоришь
горькие слова.
Ты во мне, ты болишь,
значит, я жива.

Эмансипация

I

О, женщины, ну как нам разобраться
с той тяготой, что на себе несём?
Мы — зримый результат эмансипации
с претензией на то, что можем всё.
Где только не цветут наши таланты,
что только не способны мы снести.
И там, где прежде горбились Атланты,
настало время для Кариатид.
Но если руки обратились в камень
и тяжким грузом плечи давит быт,
давайте, девушки, стихи писать ногами!
Дерзайте, милые, и смелость победит!

II

Вот так эмансипация!
Было б за что драться…
Я бы с большой радостью
прямо к тебе в рабство:
трепет делить — бархатный,
чёрный.
Я не хочу барыней,
мне ни к чему — учёной!
Больно мне, если ты виноватый.
Не с моей, трудно с твоей печалью.
Пусть лучше буду простым солдатом,
ну а ты станешь моим начальством.
Нужно бы нам подождать с борьбою,
зря не истратить последний выстрел.
Лучше любимою быть рабою,
чем госпожой царить ненавистной.

Любовь

Алисе Владимировой

…От розовой, разбуженной вначале,
до поздней — поглощающей печали.
О, хладный разум, сердце усмири!
Как я вас понимаю, Бовари!
Я и сейчас могу на крик сорваться,
как только вспоминаю эти двадцать!
Я и теперь зажгусь, взорвусь, как порох,
и стыдно мне — как вспомню эти сорок.
Но годы наши быстрые летят,
уже не за горами пятьдесят.
И секс, как укрощённый носорог,
подкидывая мячик, лёг у ног.
Не сбросить бремя лет, всезнанья груз
и эту каноническую грусть.
И вот уже брожу среди людей
Comme je suis vieille le soir
à la chandelle.

Колыбельная

Ты спи! Я здесь. Я буду тьма ночная,
густая и тягучая, как сон,
что сковывает волю, топит звуки,
проносится сквозь звёздные миры,
наполненные холодом пространства,
заглядывает в тёплые дома,
насильственно соединяя спящих,
колеблется тяжёлою волной,
дрожаньем пробирается сквозь пальцы
и треплет чьи-то волосы, и вдруг
волною подплывает к изголовью.
Не бойся! Это я, щеки коснусь
так бережно, что ты и не заметишь,
так ласково, так нежно…
Нет меня!
Я всё придумала,
твой сон хранит другая.

Первый снег

Тонечке

То идёт он сверху вниз, то снизу вверх,
озабоченный, взлохмаченный, чудной!
Я прекрасно понимаю первый снег,
потому что так же было и со мной.

Время встало, а потом пошло назад,
все часы на свете канули во тьму.
Я забыла, что сказать, зачем сказать,
почему смеяться, плакать почему.

Улетающие, тающие дни,
уплывающая музыка без слов…
Потому что сочетаются они —
этот первый снег и первая любовь.

Март

Брат мой март: то солнце, то снег.
Так и я: то в слезы, то в смех.
Ты пьянишь меня буйным весельем.
Ты качаешь меня на качелях.
Ты и лечишь меня, ты и ранишь.
То к вершине, то к пропасти тянешь.
Вверх и вниз, и всё тебе, всё тебе мало.
Отвяжись! Отпусти ты меня, я устала!

Прощанье

В этом мире долгов, суеты и смуты,
в тесном мире, где каждый кому-то обязан,
не желаю я быть тебе лишней путой,
не хочу, чтобы мною ты был завязан.
На пиру я делила твоё веселье,
там была я вакханкой, хмельной и гибкой.
Я пила за любовь, что не дольше похмелья,
ту, что вспомнишь потом с озорной улыбкой.
А теперь прошу: не иди за мною,
расставание — боль, оборву его я!
Не хочу тебе быть ни женой, ни виною,
ни малейшей частицей твоей неволи.
Я не трону горячий соблазн телефона,
я знакомого дома пройду мимо.
Я ни словом тебя, ни слезой, ни стоном…
Время вышло. Дай руку, прощай, милый!

* * *

Неужели ты не из снов?
Неужели ты не из слов?
Неужели ты впрямь есть?
Неужели со мной, здесь?
Как по книге — в моей душе.
Это страшно, закрой уже!

София

София — мудрая мать Веры, Надежды и Любви... Она смотрит на своих дочерей с иронической грустью. Она знает уже много больше, чем они. И всё-таки в них живёт она сама.

В этом разделе собраны стихи последних лет.

* * *

Дарю тебе, рифмованная речь,
свои раздумья и свои страданья,
как некогда восторги и пыланья,
которые могли бы душу сжечь,
когда б не ты, спасительное слово.

Я, помнится, тогда была готова
скорей, скорей эмоции облечь
в слова. Найти единственные, те,
светящие, звучащие, живые,
которые как вспышки грозовые
внезапно озаряли всё вокруг,
и вслед за светом появлялся звук.
И лишь потом, когда стихи читала,
мне кажется, я что-то понимала
в себе, вокруг себя, — всё через них.
Спасибо за подсказку, мудрый стих!
. . . . . .
Ни вспышек, ни прозрений больше нет.
Давно уже на пенсии поэт.
Пора переходить на речь другую.
Живу теперь без сладкого вина.
Трезвею. Понимаю, что грешна,
когда сорвусь и что-то зарифмую.

Кавголово. Мать-мачеха

Меж банок и бумажек прорастать,
решительно, стремительно и грозно.
Весна идёт! Расти и расцветать!
Теперь! Сейчас! Иначе будет поздно!
Над мусором звездою засверкать,
заполнить желтизной откос канавы.
Не всё ль равно, ты мачеха иль мать?
Весенним хмелем все сегодня правы.

* * *

В этот год не настала зима.
Не настала зима, не настала.
До того ей безрадостно стало,
что совсем не настала зима.
Ей бы снега пушистый настил
под сапожки спешащие бросить,
ей бы выгнать постылую осень,
ей бы, ей бы… Да не было сил.
В сером городе клонит ко сну.
Не снимаем осенней одежды.
Потеряли на зиму надежды,
все надежды теперь на весну.

Сугробы

Февраль

А зима не сдаётся,
растут и растут белоснежные горы.
Весной будет хуже.
Даже страшно представить
огромные лужи,
и какие ручьи из-под них потекут.

Март

Календарные сроки весны наступают,
но весны настоящей ещё подождём.
А сугробы не тают, они улетают,
возвращаясь на землю весенним дождём
и туманом, в котором замешана вечность,
и теряется вёсен прочитанных счёт.
В нём покоится вера, что жизнь бесконечна
и на смену вот этой — другая придёт.

* * *

Отшумела пора жизнерадостных лыж,
время вольной толпы, молодой, многоликой.
Нынче выехать за город подвиг великий,
а рюкзак соберёшь — уже мокрый как мышь.
Всё ж играем. Шагаем по грязным дворам
мимо наглых ларьков, в каше талого снега,
задыхаясь от шага, уже не от бега.
В электричке, в метро пробираемся к вам
на свиданье, знакомые сосны и ели,
где когда-то костры меж палаток горели
и в смущеньи уста приникали к устам.

* * *

Они не знают наших анекдотов
и наших песен тоже не поют.
Им хочется найти другое что-то,
какую-то тропиночку свою.
Они совсем другие. Понимаю
и я им ничего не говорю,
а только постоянно прибираю
за ними и еду варю, варю…
Когда они в семейный круг сольются,
все вместе за столом моим сидят, —
мне весело, когда они смеются,
мне радостно, когда они едят.
Я знаю, что меня не будет скоро,
тоска и боль живут в моей душе,
но всё-таки я им ещё опора,
хотя и очень слабая уже.
Нам выпало тяжёлое наследство:
война, репрессий страшные дела…
Но детство — это свет, и радость детства,
мне кажется, у всех людей была.
Смотри, они на ангелов похожи,
и радость бьёт фонтаном изнутри!
А ты?.. Ты улыбайся, если можешь,
и Бога за детей благодари.

Зависть

Я знаю, что унынье — тяжкий грех,
но мне недолго унывать осталось!
Я знаю, что она — одна у всех.
По-разному, но в целом та же — старость.

Пусть кто-то на сверкающем снегу
в конце лыжни прервёт свой бег короткий.
А я ещё… А я ещё могу
помыть на кухне миски-сковородки.

А я вот к телефону подойду
и бодрым голосом отвечу что-то дочке.
А я ещё… Когда очки найду,
возьму и запишу я эти строчки.

Памяти
Ии Павловны Ипатовой

Я её не встречала давно.
Целый год не звонила.
Постоянно мешали занудные эти дела.
Но меж нами всегда что-то светлое было,
всё хотела спросить…
Не спросила. Она умерла.
Успокойся, не плачь!
И с тобой это будет.
О тебе тоже кто-нибудь скажет такие слова.
Умирают друзья,
но останутся в памяти люди.
Бесконечно. Навечно,
пока эта память жива.

Теперь несколько стихов, сложенных мною во время одиноких прогулок вокруг Серебки. Серебка — это Серебряный пруд в Лесном, бывшая «Беклешовка» на Спасской мызе, принадлежавшей некогда статс-секретарю Александра I сенатору Молчанову, а затем его внуку полковнику Беклешову. Это Беклешов вырыл здесь пруды с длинными каналами, по которым можно было кататься на лодках, создал насыпные горки. Говорят, были здесь и гостиница, и летний театр, и тир, и карусели. Сейчас трудно представить, где всё это располагалось, но моя Серебка — явно «из той оперы». Хожу я вокруг неё и вспоминаю, вспоминаю…

Первый раз я попала сюда летом 1945 года. Мы с мамой недавно вернулись из эвакуации и жили в деревянном доме в парке Лесотехнической академии. «Пойдём на Серебку купаться!» — предложили мне мои подружки Люся и Маргарита Буль. Я бы с радостью, но вот купальника у меня не было. И тут меня осенила гениальная идея: зашить между ног мою зелёную маечку. Получилось! И ещё осталось время вышить жёлтыми нитками на груди стрелу.

Очень довольная, я отправилась купаться. По берегам Серебряного пруда шумели высокие берёзы. Берега были песчаные, вода чистая и холодная. Очень мне запомнился мой первый поход на Серебку! А ведь тогда я даже не представляла, что на берегу пруда поставят первый в районе девятиэтажный кооперативный дом, где я и проживу оставшуюся жизнь, что я буду катать вокруг пруда коляску с моей маленькой дочкой, потом

буду учить своих деток и внуков спускаться на лыжах с одной из тех самых насыпных горок, о которых я прочитала в книге краеведа Е. Л. Александровой, и, наконец, что буду считать круги вокруг Серебки, медленно передвигаясь на костылях, в надежде нарастить мышцу, перерезанную сложной операцией.

Про операцию надо сказать особо. Я бы, вероятно, не пошла на этот риск, если бы не молодые хирурги Алексей Олейников и его помощник. Признаюсь, что я всегда любила молодых людей. Мне нравилось, что у них мозги какие-то не застоялые, гибкие. Представление о жизни формируется, нет незыблемых штампов, которые крепко заложены в умах моих сверстников. Вот и эти ребята, в ответ на мои жалобы о ночных болях в ноге и трудности передвижения, предложили мне заменить мой изношенный сустав бедра искусственным. Действительно — ведь как просто и радикально! Сразу скажу, что в какой-то мере цель достигнута. Тех страшных болей нет, но вот хожу я теперь только на костылях. Правда, у меня теперь есть надежда, что со временем будет лучше. Только будет ли мне отпущено достаточно времени — неизвестно. А своему хирургу Алексею Олейнику я даже стихотворение сочинила:

Стоит над горою Алёша,
Болгарии русский солдат…

Ах, Алёша, вы хороший, это видно по глазам!
Пусть в Болгарии далёкой создан памятник не вам,
и хотя я и не Ванга, и пока не Вреден вы,
но мне видится сиянье возле вашей головы.
И когда вы мои кости распилили, наконец,
я подумала без злости, а с восторгом: «Он творец!»
Будет время, люди скажут: «Да, Олейник, он герой!
Надо памятник поставить под какой-нибудь горой».

Привычка

…Привычка свыше нам дана,
замена счастию она.

А. С. Пушкин

Всё, что повторно, что обычно,
воспринимается легко.
Вас, Государыня привычка,
я уважаю глубоко.
Узнать, что вы — замена счастью,
нам из «Онегина» дано.
Что вы нужны, как зонт в ненастье,
мы сами поняли давно.
Как снег зиме, как печке спичка,
за ночью — день, за светом — тьма…
К порядку властная привычка
ведёт сама.
Болезни, бедность — всё обычно.
Уйти от злых, ненужных тем!
Но вот к хорошему привычка,
она зачем?
Байдарки, лыжи, электрички
ушли из жизни навсегда.
Идёт-бредёт «раба привычки»
по садику вокруг пруда.

От дней безоблачных — к ненастью,
и не всплывёшь, коснувшись дна.
Неправда, что заменой счастью
привычка свыше нам дана!

Утки

В этом городе дивном и жутком
я по зимнему скверу иду.
Развлекают меня только утки
запоздавшие на пруду.
Никуда они не запоздали,
просто нравится здесь сидеть.
Их не манят иные дали,
никуда не хотят лететь.
Шум машин — шепелявый, гулкий,
этим уткам привычен тут.
Ребятишки приносят булки,
раскрошат и бросают в пруд.
Вот и мы с тобой рядом встали,
по делам своим не идём.
Видно, тоже из этой стаи,
прикормились здесь и живём.

27 января.
День снятия Блокады

Уток нету, замёрзла вода.
Редко-редко когда прилетают
по привычке на берег пруда
голубей бесприютные стаи.
Но зима в этот год хороша!
Что ни день — свежий снег подсыпает.
Только вот не летает душа,
постарела душа, не летает.
Юный месяц прорвал темноту,
засверкал прихотливо и тонко,
словно маленький зубик во рту,
первый зубик во рту у ребёнка.
Белым снегом деревья вокруг
в тёмном небе рисуют узоры.
Я пройду свой положенный круг —
круг почёта, а может, позора.
Разъяснений искать не хочу,
просто так погуляю по саду…
И зажгу на окошке свечу
в этот день, вспоминая блокаду.

* * *

Мне умирать не страшно — рядом моя семья.
Семь колосков на пашне, семь маленьких Я.
К вашим ногам, дружища, лягу травой отжившей.
Вы уж меня простите. Сами теперь растите.
Зелень моя, цветочки, зрейте на перегное!
Внуки мои и дочки, выращенные мною.

* * *

Зеркала раздражают. Как я не люблю зеркала!
Я в своё не гляжусь, но другие встречают повсюду.
Лишь одно утешает: я хуже, чем раньше была,
но я лучше, значительно лучше, чем буду.

* * *

Уже не манит гладкая лыжня
своим скользящим, молодящим бегом.
Но всё ж прими признанье от меня:
люблю тебя, весенний свет над снегом!

Весенняя мечта

Завтра встану пораньше, открою балконную дверь,
посмотрю на деревья, дивясь ежегодному чуду,
и пойду себе кофе варить. Но теперь
я уже ни хромать, ни держаться за стенки не буду.

* * *

Вот дожди и туманы проплыли,
но зима оставляет дары —
эти улицы, полные пыли,
и забитые грязью дворы.
Нетерпенье весеннее что ли
подступает подобно беде,
и жить хочется в поле, на воле,
а не в городе. Или — нигде!

В заключение — стихи, написанные совсем недавно в псковской деревне.

Старая яблоня

Эта старая яблоня с полуоблезлой корой,
как Аркашина лысина (что за сравнение, Боже!).
Ну, а если продолжить, фигурой немного похожа
на мою, — силуэт кривоватый, как мой.

Сколько лет — непонятно. Она здесь от века растёт.
Полудохлая вся, но спилить её жалко:
всё же трудится — держит скворечник на палке
и последнею веткою каждой весною цветёт.

Станет кисленьким яблочком
нежный весенний цветок,
в опустевшем скворечнике новый жилец загнездится.
Мы приедем сюда, чтоб, состарясь ещё на годок,
долголетьем её (и своим!) удивиться.

Соловьям

За плечами года, что стремглав пролетели,
и на плечи осели, и голову гнут.
За окошком звенят соловьиные трели.
Прилетели! Успели! И песни поют!
Есть у каждого цель: нам — с травою сражаться
да в останние годы картошку сажать.
Ну а им — себе пару искать, размножаться,
соловьиное племя своё умножать.
Их распевы звучат с нарастающей силой.
Что ни ночь, затевают концерты свои.
Жаль, что я у Бианки тогда не спросила:
«Расскажите, а старые есть соловьи?»
Он, возможно б, ответил: «Бывают, но редко».
Представляю: усталый сюда прилетит,
в чаще леса отыщет знакомую ветку
и печально о прошлой любви засвистит.
Молодые примолкнут — гнездовья да дети…
Замолчит соловьино-лягу́шачий гром.
А старик завершенья весны не заметит, —
всё хрипит и рыдает о чём-то былом.
Ну, зачем к нам сюда эта старая птица?
Для чего он так долго в Россию летел?
Он бы где-нибудь мог по пути приземлиться
или просто: сидел да в Израиле пел.
Нет, сюда возвращается снова и снова!
Вот и место своё, и тональность нашёл.

Ведь в России с политикой как-то хреново,
а с искусством издревле у нас — хорошо.
Да и мы вот сюда возвращаемся тоже:
этот дом, этот май — заморочки свои…
Не смолкай, старина! Помоги тебе Боже!
Сотворяйте рулады свои, соловьи.

* * *

В синем небе, как птицы, летят облака,
в тёплом воздухе бабочки, мухи летают,
всё живет и шевелится, всё расцветает!
Так какой же нам радости надо ещё?

Старый дом

Этот дом кособокий, глухая запущенность сада…
Я сижу на крыльце и от кошки скворчат берегу.
Здесь из каждой щели вылезает настырное «НАДО!»
и его побеждает всечасно моё «НЕ МОГУ!».

Всё же в доме есть радость — звонок:
«Как дела на работе?
Как здоровье? Как дети? Ну, что же, дочурка, держись!»
Мне так надо узнать и почувствовать, как вы живёте,
потому что теперь только это и есть моя жизнь.

Нет! Неправда! Не только! Ведь есть ещё наша:
вдох и выдох… ночь… день…
Умирают желанья
Так не хочется думать, но в голову лезет, Аркаша,
что и к нам приближается злая пора расставанья.

Ветерок пробегает. Природа приходит в движенье.
На разорванном небе плывут облака… облака…
Ну, кому это надо, — бесстыдное чувств обнаженье?
Ну, кого она тронет, — моя надрывная тоска?

Озабоченный голубь надсадно воркует на кровле.
На полях торжествуют цвета наступившей весны.

Я читаю стихи дружелюбной Галине Петровне,
умиляясь в душе, что они хоть кому-то нужны.

Не сбылось, не сложилось. А если бы?.. Боже!
Но теперь бесполезно о том говорить.
Надо просто идти и картошку варить,
да упорно искать сладковатые «ВСЁ ЖЕ».

«Всё же» счастлива? Я полагаю — отчасти.
(Это просто от старости слёзы в глазах.)
Я давно уже знаю, что видится счастье
только, если потом обернуться назад.

Обернёшься и видишь: машина. Мы — вместе,
а в лесу долгожданный подарок судьбы:
под большою сосной на запомненном месте
поджидают весёлой семейкой грибы.

А теперь помечтаем: чего б ты хотела?
Насладиться красой зарубежных земель?
В пенной ванне отмыть застаревшее тело?
Или, может быть, ёшь твою, кофе в постель?!

Ну а здесь? — Может, хочешь в блаженной истоме
(перед скорым отбытием в ад или в рай)
полежать на кровати в отстроенном доме,
белоснежном и крепком, как Галин сарай?

Или — видеть просторы побритого сада,
где любовно и ровно подстрижены даже кусты,
где растёт исключительно то, что нам надо,
а на клумбах прополотых рдеют цветы?

Нет! Сама не могу, а в деревне лишь старые люди.
Кто же станет мой сад поливать и косить?
Гастарбайтеров можно бы в помощь себе пригласить,
только пенсии нашей навряд ли достаточно будет.

Не хочу ничего! Пусть соседкины доски белеют,
укрывая извне пошатнувшийся к лучшему быт.
Пусть живёт старый дом! — Я его не люблю, но жалею.
Пусть он горбится, морщится! Пусть он дрожит!
Но стоит!

Неравноценный обмен

Дарю тебе, холодная вода,
свои болезни и свои страданья.
Взамен прошу, холодная вода,
целебный дар — твоей волны лобзанье.

Рифмы

«Дружба — служба» — Суворов.
«Старость — не радость» —
ничьё, но всеобщее.

Всё ж есть радость:
                устало
завалиться вдвоём под одно одеяло,
то, которое спальником было давно.
Так давно, что не вспомнить, когда это было.
Помню только —
                байдарку Онежское било,
помню плоский, прибоем зализанный риф,
и… «палатка, клеёнка, тушёнка, сгущёнка» —
бесконечная вязь незатейливых рифм.

* * *

Этот лист ярко-рыжий на свежей зелёной траве…
Представляется даже, — такого не видела прежде!
Всякий разно живёт: кто по правилам, кто по надежде.
Невозможно додуматься, что у кого в голове…

С клёнов листья слетают и кружатся:
Бабочки?
Слёзы?..
А осины разделись все разом, внезапным рывком.
Но трава зеленеет, не верит, что будут морозы,
улыбается небу последним нежданным цветком.

Ну а мне — как? На землю, на койку ложиться,
соглашаясь с лимитом природой отпущенных дней?
Или как листья — в последней надежде кружиться,
всё брести и брести вдоль всё той же Серебки своей?

* * *

Надо мною стоит полусфера небес.
Отражается в зеркале вод полусфера.
По экватору — берег. Деревья стоят неподвижно,
будто бы и не могут решиться —
то ли просто шагнуть в зазеркальную жуть,
то ли к светлому небу душой устремиться.

Тишина и безлюдье. Но есть ещё дом,
где тепло и на полке стоит телевизор.
Выключай поскорее! Захлопни окно
в этот мир сумасшедший, бушующий где-то!
Здесь ещё продолжается тихое лето,
и пускай бы подольше продлилось оно.

Тело и душа

Скажет тело: «Всё в порядке,
наконец пришла весна.
Наклонись скорее к грядке,
ведь тебя ждала она!»
А душа твердит: «Не буду!
Я вообще-то не отсюда,
не из этого болота.
Мне ещё летать охота!»
В жизни трудный этот спор
не стихает с давних пор.
А о том, что после будет,
мы не знаем, — Бог рассудит.

Посвящается последней корове деревни Андрейково

Мы стремимся попасть в прежний мир
по-весеннему новый,
чтоб увидеть весну, чтоб услышать её, обонять.
Чтоб испить молока от последней в деревне коровы.
Чтоб тоску городскую хотя бы на время унять.

Проходите, садитесь. Пожали холодные руки, —
мы сегодня топили, но дом не прогрелся ещё.
Вы, я вижу — прекрасно! А как ваши дети и внуки?
Расскажите скорее, как жизнь молодая течёт?

Впрочем, выросли дети, за них мы теперь не в ответе.
Мы не будем касаться чужой непонятной судьбы.
Лучше будем о лете. Что там говорят в интернете?
И какие прогнозы на ягоды или грибы?

Ну а после приедут сюда наши милые люди.
Вспомнят наши старанья. Не чокаясь, рюмку нальют.
Только жаль, что в деревне коровы не будет…
Неужели с собою они молоко повезут?

Вместо прополки

За этот ад,
За этот бред
Пошли мне сад
На старость лет…
Для беглеца
Мне сад пошли:
Без ни-лица,
Без ни-души!

Марина Цветаева

И Он послал, но не сказал,
награда это иль расплата.
Одно понятно — поздновато!
Вот я хочу помочь цветку
и наклоняюсь к сорняку,
но не достать! И я без лени
вдруг опускаюсь на колени
пред розою. Как романтично!
Но только встать проблематично.
С усильем распрямив колени,
пойду к кустам, где больше тени,
и на скамеечке оттуда
смотреть на сад и думать буду:

Мой сад, красивые слова,
но ты, Марина, не права!
Я знаю, сам себе не рад
без «ни-души» заглохнет сад.

О, как способствует унынью
сад, зарастающий полынью!
Повсюду лезет лебеда…
Но может, это не беда?
Ведь присмотреться, и крапива
в своём могуществе красива!
На клумбу сныть пролезть стремится
(как наши дети за границу).
Её я, впрочем, понимаю,
там почва всё-таки другая:
там больше влаги и навоза,
расти себе, как будто роза.

Мои цветы, живите сами!
Сражайтесь сами с сорняками!
И пусть живёт мой огород,
травой заросшая лужайка,
где каждый выживший поймёт,
как толерантна их хозяйка.

Безвременник

…И когда отлетает с берёзы последний листок,
и когда нет ни сил, ни желаний, ни денег,
пролезает сквозь землю осенний цветок,
он — надежда и вера её.
— Безврéменник.

Содержание

Вместо предисловия 3

ВЕРА

Половодье 7
Камни и люди 9
Ранний снег 10
Моя вера 11
Картинки 12
На гулянку 13
Сад 14
Непогода 15
Берёза 16
Бабье лето 17
Листья в городе 18
Псков — Изборск — Печоры 19
Сон 21
Устало-атеистический взгляд на Печерский монастырь . . 23
Жемчужное зерно 24
С базара 25
Дмитровская суббота 26
«Где же лики, не пойму?..» 27
Молитва 28

НАДЕЖДА

«В поэтическом разнотравье...» 30
Жизнь и искусство 31
«К полу стихи-листочки...» 33
Прочитав сборник Б. Ахмадулиной «Струна» 34
Четвёртая группа крови 35

Ода смеху 38
Коляска 40
«И летит...» 41
Посетив ЛИТО В. Сосноры в Доме учёных в Лесном 43
Платье 44
Самолёт 45
«Жаждут славы...» 47
«Я пытаюсь в мыслях найти тот день...» 49
Потеря 50

ЛЮБОВЬ

«А любовь?.. Ах, любовь! Этот красный туман...» 52
Картинка 53
«Натолкнулись, глаза в глаза...» 53
В ресторане «Невский» 54
«В этом городе я чужая...» 55
«Вот человек, придуманный настолько...» 56
«Хочу — любовь: взлететь и падать...» 57
«Это просто...» 58
«Вы говорите, надо бросить всё...» 59
«Всё неправда!..» 60
«Переждать тебя, пережить...» 61
«Грустные раздумья в таянии ночей...» 62
«Прочь ребячество!..» 63
Дождь 64
«Лёд громоздится у края тонок...» 65
Про жизнь 66
«В моей душе живут сестрёнки...» 67
«Я такая. Я вся тут. Нравится? Ну, смотри!..» 68
«У меня есть одна свобода...» 69
«Ты зачем ещё? Ты о чём?..» 70
«Я боюсь с тобой прощанья...» 71
Эмансипация 72
Любовь 73
Колыбельная 74
Первый снег 75

Март 76
Прощанье 77
«Неужели ты не из снов?..» 78

СОФИЯ

«Дарю тебе, рифмованная речь...» 80
Кавголово. Мать-мачеха 81
«В этот год не настала зима...» 82
Сугробы 83
«Отшумела пора жизнерадостных лыж...» 84
«Они не знают наших анекдотов...» 85
Зависть 86
Памяти Ии Павловны Ипатовой 87

Привычка 90
Утки 91
27 января. День снятия Блокады 92
«Мне умирать не страшно — рядом моя семья...» 93
«Зеркала раздражают. Как я не люблю зеркала!..» 93
«Уже не манит гладкая лыжня...» 93
Весенняя мечта 94
«Вот дожди и туманы проплыли...» 94

Старая яблоня 95
Соловьям 96
«В синем небе, как птицы, летят облака...» 97
Старый дом 98
Неравноценный обмен 100
Рифмы 101
«Этот лист ярко-рыжий на свежей зелёной траве…» . . . 102
«Надо мною стоит полусфера небес...» 103
Тело и душа 104
Посвящается последней корове деревни Андрейково . . 105
Вместо прополки 106
Безвременник 108

Для связи с автором
o.liverovskaya@mail.ru

Ольга Алексеевна Ливеровская

Вера. Надежда. Любовь

Технический редактор *А. Б. Левкина*
Дизайн обложки *А. В. Самойлова*
Корректор *Л. А. Брисовская*
Подготовка оригинал-макета *Е. Н. Ванчурина*

Подписано в печать 19.03.2013. Формат 70 × 100 $^{1}/_{32}$.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,5. Тираж 100 экз.
Заказ № 039Р.

Отпечатано в типографии
издательско-полиграфической фирмы «Реноме»,
192007, Санкт-Петербург, наб. Обводного канала, д. 40.
Тел./факс (812) 766-05-66
E-mail: renome@comlink.spb.ru
www.renomespb.ru